

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава пятьдесят первая

Асимметричные ответы

«Какой разврат!»

Советская власть отличалась большой заботой о морали, которую как угодно мог толковать кто угодно и портить жизнь всем имевшим о морали иные представления. Согласно советской морали нельзя было носить джинсы, предпочитать квасу кока-колу, любить джаз, танцевать твист или брейк. Власть высшая и на местах вводила ограничения на длину волос и ширину брюк. Длинноволосых, бывало, приводили в милицию и насильно стригли, а узкие брюки распарывали прямо на улице.

Местные моралисты вводили дополнительные карательные меры. Еще по дороге на целину на свердловском вокзале Иру и Нину местные дружинники схватили за то, что они были, по мнению дружинников, неприлично одеты – в лыжных костюмах, но без юбок поверх шаровар. В милиции их стыдили, угрожали разными наказаниями, составили протокол. Пока девушки сидели в КПЗ, эшелон ушел. Потом наш медленный поезд они догоняли на скором. Но еще скорей догнала его «телега», требовавшая осудить девушек за аморальное поведение. И их осудили. На очередной остановке уже известная читателю Черная пропаганда (сокращенно ЧП) вывела весь вагон наружу и объявила нарушительницам морали выговор с предупреждением, что если они не исправятся, то будут лишены комсомольских путевок и отправлены до срока в Москву...

Мне всегда казалось, что у меня ровный, покладистый характер. Я жил в многолюдных казармах, общежитиях и коммунальных квартирах, редко с кем ссорился, но ладить с начальством никогда не умел.

В Поповке, селе, где мы «бились за казахстанский миллиард», у меня в самом начале случилось большое столкновение с маленьким самодуром.

Мы играли в «подкидного дурака», как вдруг вошел завклубом Бородавка. Увидел карты, пришел в ужас: какой разврат!

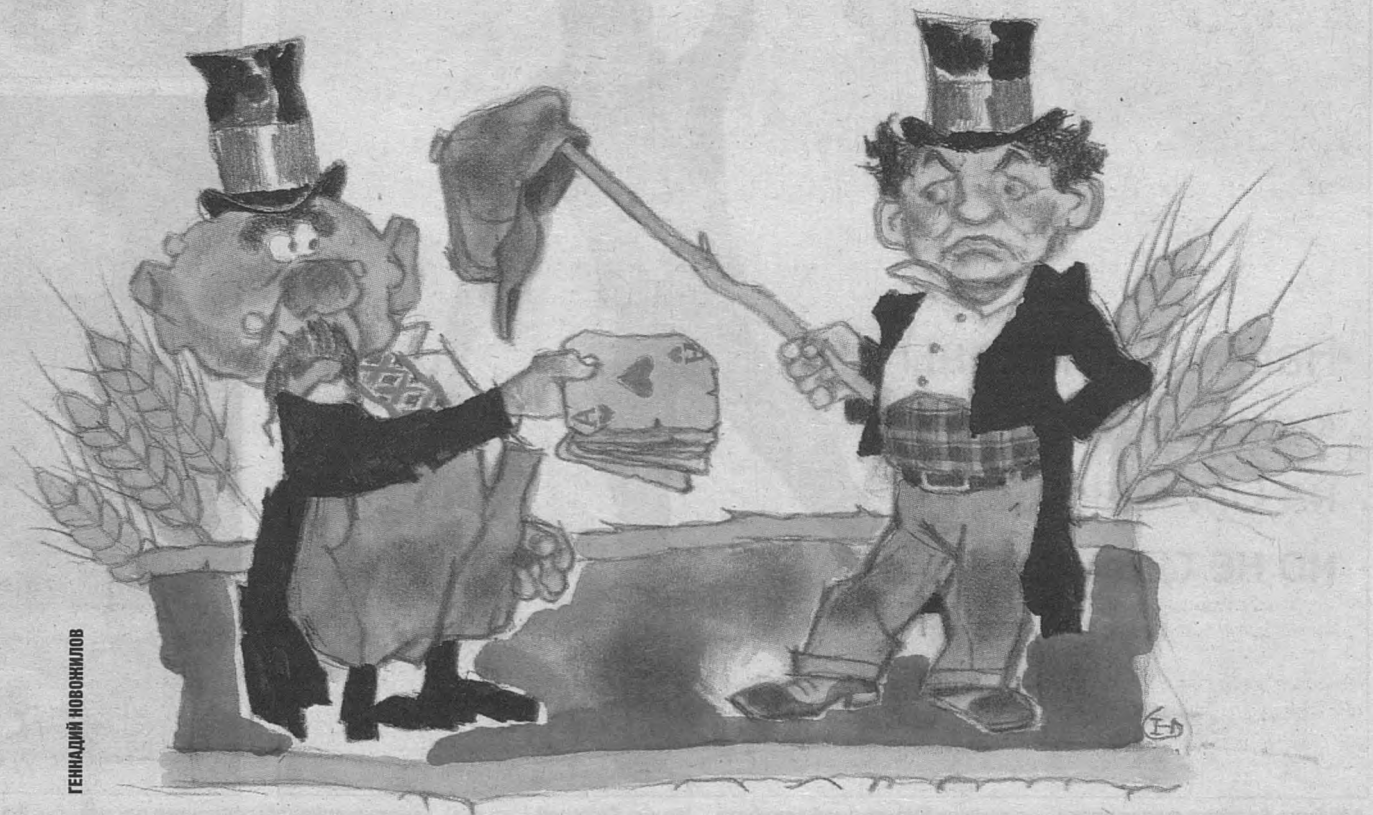
Не сомневаясь в своем праве применять к студентам воспитательные меры по своему усмотрению, схватил карты и пошел к выходу. Я его догнал и потребовал вернуть чужое. Он отказался. Я содрал с него кепку и сказал, что не отдам ее, пока он не вернет карты. Поднялся скандал. Дело было изображено так, что завклубом предотвратил развратные действия студентов, а я совершил хулиганский поступок. Пришла тихая, не уверенная в себе наша преподавательница Анна Федоровна. Попросила отдать кепку. Я сказал, что отдам только в обмен на карты. Она пыталась оправдать Бородавку, говоря, что азартные игры в СССР запрещены. Я спросил, относится ли «подкидной» к азартным играм. Она ответила, что «подкидной» не относится, но в карты можно играть и на деньги. Я сказал, что на деньги можно играть даже в крестики-нолики. Преподавательница была со мной согласна, но советовала быть благоразумным. Благоразумным я тогда не оказался (и позже такое редко случалось), и дело дошло до командовавшей нами из райцентра Атбасара Черной пропаганды, имя которой студенты сократили до аббревиатуры ЧП. ЧП распорядилась, чтобы я явился к ней, имея при себе комсомольскую путевку.

Опять ЧП

На попутной машине я добрался до Атбасара и пришел к ЧП в Дом колхозника. Поднялся на второй этаж, постучался в номер. Она приоткрыла дверь полуодетая. Хоть она и пыталась прикрыть щель собою, на столе посреди комнаты я заметил следы ночной попойки. Это меня обрадовало. Об атбасарских похождениях ЧП я кое-что слышал и раньше, а теперь понял, что на ее обвинения надо отвечать, как позднее сформулировал Горбачев, асимметрично.

– Подождите меня в коридоре, я сейчас выйду, – сказала ЧП.

Я отошел в конец коридора и сел за столик дежурной, которой на месте не было. Через несколько минут вышла в коридор и ЧП. В обычном своем черном одеянии, но с белой

ГЕНАДИЙ НОВИЧОВ

Мы играли в «подкидного дурака», как вдруг вошел заведующий клубом Бородавка. Увидев карты, Бородавка пришел в ужас: какой разврат! Не сомневаясь в своем праве применять к студентам воспитательные меры по своему усмотрению, схватил карты и пошел к выходу. Я его догнал и потребовал вернуть чужое. Бородавка отказался. Я содрал с него кепку и сказал, что не отдам ее, пока он не вернет карты. Поднялся скандал.

шелковой косынкой, повязанной вокруг шеи. Я уступил ей место за столиком.

– Дайте-ка мне вашу путевку!

Я дал.

– Я ее изымаю, а вас отстраняю от работы. Отправляйтесь в Москву.

– На чем? – спросил я.

– На чем хотите.

– Но у меня нет ни билета, ни денег.

– А меня это не интересует.

– Как не интересует? Как я доеду до Москвы?

– А мне все равно. Идите пешком.

– Но чем я провинился?

– А вы не знаете?

– Не знаю.

– Тем, что ведете себя безобразно. Безнравственно. Аморально.

Она собиралась продолжить свою тираду, но я ее перебил:

– Вы платочек на шее поправьте, а то засос слишком виден.

– Что?! – оторопела она.

– Засос, – повторил я. – Синяя от поцелуя.

Лилового цвета. И перегаром от вас несет, как из бочки. Надо мускатный орех жевать. Помогает.

Она растерялась и не знала, как на мои слова реагировать. Стала бормотать что-то вроде:

– Какой орех? Что вы говорите?

– Говорю, что вам насчет морали надо помалкивать, – сказал я и повысил голос. – Сама тут переспала со всем райкомом и райисполкомом, оргии устраивает...

Какой-то человек в шляпе, выйдя из своего номера, приближался к нам.

– Тише! – прошептала она не то приказным, не то умоляющим тоном.

– А что – тише? Мне скрывать нечего.

Человек покосился на нас обоих и стал спускаться по лестнице.

ЧП, не глядя на меня, бормотала что-то невнятное. А я, продолжая наступление, пообещал ей, что приеду в Москву, напишу заявление ректору. И в «Правду» напишу фельетон.

– Вы же знаете, – сказал я, – что я в «Правде» печатаюсь.

Последние слова были, конечно, блефом, но при слове «Правда» она полностью капиту-

лировала и заулыбалась фальшиво.

– Ну, что вы? Ну, при чем тут «Правда»? Ну, ладно, ну, недоразумение, но мы можем сами, между собой... Вот возьмите, – она протянула путевку. – И давайте не будем ссориться.

Я согласился не ссориться при условии, что Бородавка отдаст карты и не будет по ночам проверять, не залез ли кто-нибудь к кому-нибудь под одеяло.

Она все условия приняла, в результате чего Бородавка на другой день принес карты и получил в обмен свою кепку.

Из пушки по воробью

Кстати, вспомнился еще один случай, когда мне удалось асимметрично наказать самодура. Это было лет через двадцать. Мы с женой и маленькой дочкой возвращались с юга в Москву. Я уже считался диссидентом и состоял в конфликте не с одним человеком, а со всем государством, что делало мое положение, мягко сказать, уязвимым. Некоторые из друзей предостерегали меня от езды на машине, потому что «они», то есть КГБ, легко могли устроить аварию и таким образом, наконец, избавиться от меня. На что я отвечал, что избавиться (например, в результате падения кирпича с крыши) можно и без машины, а с машиной как раз будет выглядеть слишком подозрительно. Так что ездить я продолжал, хотя меня заботили мои водительские права. Они были устаревшего образца, сильно потрепаны и с двумя дырками в талоне предупреждений. Все гаишники, видя эти права, норовили их изъять, говоря, что они уже никуда не годятся, но я знал, что если их у меня отнимут, других уже не дадут. Одну дырку я попытался аннулировать, исправив написанную под ней дату прокола, но слишком неаккуратно, и боялся, что это будет замечено очередным милиционером.

Итак, я ехал с юга, с почти липовыми правами и к тому же с неожиданно разрушившимся в дороге подшиппиком левого заднего колеса. Между Харьковом и Белгородом была, как всегда, многокилометровая пробка. Дорожные знаки разрешали ехать со скоростью до 70 километров в час, но у нас получалось не больше двадцати. Встречные машины мигали

фарам, предупреждая, что впереди милицмейская засада. Я на эти сигналы долго не реагировал, а потом кому-то мигнул: спасибо, понял. И тут же увидел милиционера, который, двигаясь на «Москвиче» во встречном потоке, показал мне кулак. Я на это не ответил. Через минуту увидел тот же «Москвич» уже за собой. Милиционер меня остановил и потребовал права. Я попросил его предъявить документы. Он предъявил и, взяв мой талон, достал компостер.

– Подождите, – попытался я его остановить, – это за что же вы хотите мне сделать дырку?

– За превышение скорости, – сказал он, нагло ухмыляясь.

Я возмущился и перешел на «ты».

– Послушай, ты видишь сам, что здесь все машины еле-еле ползут, и я тоже полз еле-еле. Значит, ты меня хочешь наказать не за скорость, а за то, что я мигнул фарами, но в этом нет нарушения. Учти, я этого так не оставлю, я тебя тоже накажу.

– Вот и попробуйте, – сказал он и с удовольствием продырявил мой несчастный талон.

Теперь изъятие прав при встрече со следующим милиционером было мне обеспечено.

Желание ответить на обиду во мне бывает недолгим. Но тогда, по пути в Москву, я не давал себе остыть, думая: как же мне его наказать? Написать жалобу, что я не превышал скорость? Мне никто не поверит. И тогда я подумал: он меня наказал по ложному обвинению, пусть и сам получит примерно то же.

Я написал в ГАИ Харьковской области заявление, где представил себя как старого (мне было сорок пять лет) журналиста и автомобилиста, который много колесил по стране, много писал о работниках советской милиции, честных, внимательных, вежливых организаторах дорожного движения. Но такого, как лейтенант Горобец, встретил впервые. И описал облик: грубый, неопрятный, форменный пиджак в жирных пятнах, пуговица оторвана, пистолет на животе, изо рта разит перегаром...

Я никогда не позволял себе возводить напраслину даже на самых неприятных мне людей, но здесь я пришиб несчастного Горобца (горобец – по-украински воробей) его же оружием. Я знал, что на военное или милицмейское начальство такие характеристики действуют сильнее, чем если бы я сказал, что милиционер вымогал взятку. Через какое-то время пришел ответ, в котором было сказано, что письмо мое рассмотрено. Лейтенанту Горобцу объявлен выговор, с личным составом проводится воспитательная работа.

На другой день меня вызвали повесткой в Московскую городскую ГАИ, где по письму из Харькова дырку аннулировали, о чем на моем талоне была сделана соответствующая запись.

А круглая печать скрыла все мои исправления и подчистки.

Продолжение следует